

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПАРТИИ КАК ФАКТОР РОССИЙСКИХ СМУТ И РЕВОЛЮЦИЙ XX В.

По словам выдающегося русского философа Н. А. Бердяева «исторические катастрофы и переломы, которые достигают особенной остроты в известные моменты всемирной истории, всегда располагали к размышлениям в области философии истории, к попыткам осмыслить исторический процесс, построить ту или иную философию истории»¹. Он же писал, что тайна истории раскрывается только тогда, когда «крушение жизненного строя и лада» влечет за собой «раздвоение», «расщепление» человеческого духа, побуждая его к рефлексии над «внутренним смыслом, внутренней душой истории»².

Соглашаясь с Бердяевым, можно сказать, что кризисы обостряют чувство «исторического». Вместе с тем постижение тайны истории невозможно без понимания смысла и механизма самих исторических катастроф и переломов. Правильно и обратное — необходимость понимания кризисов и переходных периодов требует постановки вопроса о смысле истории вообще.

Все сказанное выше, на наш взгляд, вдвойне верно применительно к российской истории. Проблема российских смут и революций — это проблема не только историческая, но, прежде всего, это проблема историософская и метафизическая. Вопрос о *Русской Смуте* — это глубинный историософский вопрос о смысле мировой истории, о самобытном историческом пути России, о смысле *Русской Истории* и *Российского Имперства*, о роли *России* в XXI веке. Это вопрос о судьбе русского народа и российской цивилизации. Понять «смуту» начала XX века — «значит понять будущее России. В конечном счете, это значит понять, наконец, место России в будущем человечества»³. Без понимания смысла и логики Русской Смуты невозможно осмысленное бытие России в мировой истории.

Многие исследователи считают, что сегодня есть все основания говорить о «кризисном ритме» российской истории», о ее циклическом движении — от Смуты к Смуте. Необходимость осмысления и понимания российских кризисов выступает одним из главных вызовов для интеллектуального класса и правящего слоя современной России. Без решения этой задачи преодолеть кровавый циклизм развития российского социума вряд ли удастся.

На наш взгляд, подлинное понимание смысла и социокультурного механизма Русской Смуты невозможно вне осмысления феномена Империи.

Мы исходим из того, что империи — это главные действующие лица великой драмы под названием «мировая история». Империи — это подлинные субъекты истории и геополитики. Собственно говоря, мировая история — это постоянное историческое и метаисторическое противостояние Империй и Имперских Идей. Неимперские страны и народы неизбежно становятся периферией одной из Империй. Они свою историческую судьбу не решают. Их судьба определяется соотношением сил между противостоящими друг другу Империями.

Противники такого подхода сейчас говорят о том, что «век империй прошел»⁴. XX столетие, по их мнению, стало временем крушения последних Империй.

С другой стороны сегодня есть немало ученых и публицистов, которые придерживаются диаметрально противоположной позиции и рассматривают Империю как единственно возможную в современных условиях модель развития России и альтернативу глобализации по-американски. Так, например, М. Б. Смолин пишет: «Империя — это царский путь между двумя крайностями. Путь между "глобалистской" крайностью — уничтожение самобытных национальных организмов и всесмешением их в едином "мировом государстве", с единообразным "мировым порядком", и "изоляционистской" крайностью — замыканием одной нации сугубо в своих этнических границах и интересах»⁵.

Мировая история и сегодняшняя ситуация в мире, дают все основания для того, чтобы согласиться с точкой зрения В. П. Булдакова, который считает, что империи представляют собой не «дурное прошлое» человечества, а «правило всемирной истории»⁶. Даже в Западной Европе, там где, начиная с эпохи позднего Средневековья, восторжествовала тенденция построения национальных государств, имперская традиция окончательно никогда не умирала, периодически проявляя себя как инвариант ее исторического развития (Германская Империя, Третий Рейх, итальянский фашизм и т. д.). Сегодня, на наш взгляд, все основные игроки на мировой политической сцене — и США, где идея построения *Rex Americana* определяет всю внешнюю политику после Второй мировой войны, и КНР, и Евросоюз... — являются Империями.

Также необходимо учитывать тот факт, что в среде политической и интеллектуальной элиты стран исламского мира и сегодня существует идея халифата, идея единого мирового исламского государства. В свое время бывший лидер боснийских мусульман Алия Изетбегович выразил эту мысль следующим образом: «В современных условиях естественной задачей для установления исламского порядка является сближение всех мусульман, всех мусульманских общин мира. Эта тенденция означает, что необходимо бороться за создание великой Исламской Федерации от Марокко до Индонезии, от Тропической Африки до Центральной Азии»⁷.

Автор солидарен с теми исследователями, которые считают, что «империя — это государство, стремящееся объединить в своем имперском организме цивилизацию»⁸. Прочитированный выше Смолин пишет: «Государство в Империи дорастает до цивилизации, до целого автаркийного государственного и культурного мира. Империя становится универсальным государством»⁹. В свою очередь, С.И. Каспэ полагает, что империя характеризуется такими признаками как «значительные территориальные размеры, достигнутые путем экспансии, этнокультурная

и этнополитическая неоднородность, присутствие в механизмах легитимации и в политической практике универсалистских ориентаций, вплоть до претензий на вселенский смысл собственного бытия»¹⁰.

По мнению В. В. Алексеева и Е. В. Алексеевой, империя «... это прежде всего этнически гетерогенная великая держава, стремящаяся к максимальному увеличению своей мощи и расширению идеологической, политической, экономической, культурной власти над другими территориями. С этой точки зрения, форма государственного правления оказывается второстепенным фактом. Главным выступает сущностное содержание — метаисторическая реализация доминирующей власти над крупными регионами мира»¹¹.

Но, безусловно, главным, на наш взгляд, сущностным признаком Идеократической Империи является наличие имперского мифа, имперской идеи, или, как говорили евразийцы, «Идеи-правительницы», в которой выражена метафизическая сверхзадача, заключающаяся в реализации божественного замысла о человеке и мире, в установлении торжества трансцендентного Должного¹². Имперская Идея, имперский миф есть не что иное, как платоновский эйдос, существующий вечно, рожденный в сакральном мире и приходящий и реализующийся в мире потустороннем, профанном. Должное в данном контексте представляет собой некий «апофетизованный (лишенный конкретизирующих характеристик) универсальный идеал, описывающий совершенного человека и идеальное общество»¹³. Ценности Идеократии носят иррациональный, трансцендентный по отношению к человеку характер¹⁴.

Когда мы говорим об Империи, то необходимо учитывать, что в российской политической культуре и массовом сознании всегда присутствовал и проявлял себя взгляд, согласно которому Империя есть «особая духовно-политическая сущность, пронизывающая собой все срезы бытия»¹⁵, связывающая воедино метафизическое и физическое пространство русской истории, сакральное и

профанное, имманентный и трансцендентный мир, Время и Вечность. Империя — это симфоническое соединение Града Небесного и Града Земного. Империя — это единый пространственно-временной континуум, единое смысловое и символическое пространство русской истории.

Имперская Верховная Власть предстает в массовом не столько как социальный институт, сколько как сакральная субстанция, стоящая над обществом, как метафизическая категория¹⁶, земной образ идеального Должного¹⁷. Она «не столько регулирует локальные социокультурные процессы, протекающие в горизонтальном срезе общества, сколько связывает вынесенные за скобки реальности метафизические, вертикально иерархизованные полюса Добра и Зла, тем самым поддерживая целостность всей социокультурной системы»¹⁸. В этом смысле временные, только юридические «формы правления» и «формы политического режима» никакого значения не имеют. Главное для Империи — реализация Должного, выполнение своей Миссии в мире.

Империя — это служилое или, как говорил П. Б. Струве, «лейтургическое государство», где все подчинено служению Идее, где все — Власть, каждая социальная группа, каждый человек знают и выполняют свою миссию и свой Долг.

Империя является антитезой конституционного, национального государства, сформировавшегося как исторический феномен в Европе в Новое Время. В Империи снимается противоречие между национальным, местным и всемирным, вселенским. Понятие «империя» соотносится с понятием «национальное государство» так же, как понятие «цивилизация» соотносится с понятием «нация». Возникшее в Новое Время секулярное конституционное, национальное государство оказалось в европейском сознании сугубо «посюсторонним», отсеченным от метафизической реальности.

Автор разделяет позицию тех отечественных и зарубежных исследователей, которые считают, что

«применительно к России можно говорить как об империи идеократической, империи великой мессианской идеи»¹⁹. Ей она остается и сегодня. Империи живут до тех пор, пока живо их ментальное тело, пока живо имперское массовое сознание. Оно «делает возможным как успешное строительство империи, так и ее перманентное возрождение»²⁰. В тоже время «взгляд на историю России как на историю национального государства ошибочен, и такой подход неизбежно приведет к заблуждению»²¹.

Постижению смысла «Великих смут» отечественной истории может помочь правильное понимание соотношения понятий «смута» и «революция». За проблемой соотношения понятий «смута» и «революция» по сути дела скрывается историософский вопрос о месте России в системе цивилизационных, культурно-исторических и геополитических координат. На наш взгляд, правильное понимание дихотомии «*Смута — Революция*» возможно только в системах координат «*Россия — Восток — Запад*», «*Традиция — Модерн*» и «*Империя — Национальное государство*», с учетом оппозиций «*Архаика — Прогресс*», «*Мифология — Рационализм*», «*Средневековье — Новое Время*», «*народные массы — социальные классы*», а если использовать марксистскую терминологию, «*феодализм — капитализм*». Термин же «революция» является, прежде всего, порождением и отображением западноевропейской и североамериканской истории Нового Времени.

Когда мы говорим о российских кризисах, необходимо помнить и понимать, что мы говорим о кризисах Империи. На наш взгляд, обозначенная выше позиция позволит подобрать ключи к решению вопроса о смысле и механизме российских смут и революций.

Сегодня историографической парадигмой стало представление о том, что в своей истории России пережила три глубочайших системных кризиса: Смута начала XVII в., революция начала XX в. и современное состояние российского общества²². По мнению классика отечественного «смутоведения» В. П. Булдакова, «речь во

всех случаях идет именно об империи — последнюю следует понимать в терминах культуры и цивилизации, а не только геополитики»²³.

Российская «смута» — это взрывной, действующий по законам синергетики, механизм «смерти-возрождения» государственности, цивилизации и культуры, проявляющийся в переломные периоды отечественной истории»²⁴. Многие исследователи сегодня именно в этом контексте рассматривают революцию 1917 года, которая, по их мнению, «позволила не просто обновить и регенерировать империю, но и вызвать массовый всплеск пассионарной энергии, расчистившей и одновременно архаизовавшей общественное сознание»²⁵.

Русская Смута, двигавшаяся народными и элитарными утопиями, несшими в себе мощнейший заряд мессианизма, есть не что иное как попытка ликвидировать зазор между Должным и Сущим и реализовать Русскую Идею. Смута — это бегство в некую мыслетворную реальность Идеального Должного, бегство от власти «чужой» к власти «своей», от Государства Кривды к Государству Правды.

Тотальность империи предопределяет тотальность российской смуты. Смута охватывает не только все физическое и метафизическое пространство российского социума. Смута соразмерна Империи, ее породившей. Имперская Смута, как и сама Империя, космична по последствиям и масштабам влияния.

Глубинные причины Смуты имеют метафизический и метаисторический характер. Они кроются в несоответствии между Утопией и Историей, Должным и Сущим, Идеальным и Материальным. В свое время один из ведущих специалистов по теории модернизации, цивилизации и революции Ш. Эйзенштадт писал, что «великие революции можно рассматривать и как наиболее драматичные, а может, и наиболее успешные попытки в истории человечества осуществить на макросоциальном уровне утопические представления с сильными гностическими компонентами»²⁶.

На протяжении десятилетий в отечественной историографии существует идея, согласно которой ведущую роль в русской революции начала XX века играли политические партии, которые «руководили» народными массами, и их программы. Анализ документов и материалов той эпохи показывает, что это утверждение не имеет ничего общего с реальностью и является историографическим мифом.

Сознание громадного большинства населения страны находилось на «дополитическом уровне», для которого было характерно неприятие многопартийности и полное непонимание партийных программ. Социальная борьба крестьянских и рабоче-крестьянских масс проходила в «неполитическом измерении»²⁷.

Следует иметь в виду, что, на Западе партии формировались и функционировали как связующее звено между *гражданским обществом и национальным государством*. Ни того, ни другого в России в начале прошлого столетия не было. Нет и сейчас.

Какова же была реальная роль политических партий в системных кризисах российского общества?

Мы исходим из идеи о том, что *история есть, прежде всего, проявление скрытых процессов, вызревающих в толще исторического сознания и подсознания людей, детерминированных менталитетом, который имеет свою уникальную исторически обусловленную специфику*²⁸.

Исходя из обозначенной выше позиции, мы считаем, что судьба Империи, судьба Власти в смутные времена отечественной истории решается в системе архаических координат «*свой-чужой*», в сфере мифологического массового сознания, которое являлось своеобразным социокультурным базисом Русской Смуты. Именно его инверсионная «логика», а не рационалистическая логика европейских социологических теорий, является логикой Русской Смуты. Массового сознание представляло собой совокупность выработанных на протяжении столетий в рамках Империи и Общины и передающихся из поколения в поколение жизненных

установок, принципов, моделей поведения, эмоций и настроений, имеющих системообразующий для отечественной истории характер. Именно в имперско-общинном мифологическом массовом сознании сосредоточена энергия, потенции, жизненная сила российской цивилизации.

Смутные времена в российской истории наступают тогда, когда Власть перестает, с точки зрения массового сознания, быть «своей», перестает соответствовать той цивилизационной задаче, той Миссии, которая на нее возложена. В этом случае народные массы приводят на политический Олимп новую элиту, поведение и идеи которой резонируют с их сознанием.

Убедительным подтверждением этих идей является исторический опыт Русской Революции, завершившейся установлением однопартийной большевистской диктатуры. Такой исход оказался возможным потому, что большевики, предложившие массам новый вариант Имперской Идеи, адекватные их сознанию модели власти, модели социального поведения, вышли за рамки формальной партийности и стали «головным выражением национальной стихии» (Л. Д. Троцкий).

Современная смута также подтверждает высказанные выше идеи о роли массового сознания и политических партий в системных кризисах российского общества.

Так, совершенно особое место в политической системе современной России занимает партия «Единая Россия». К сожалению, «партия власти» так и не стала полигоном для выработки стратегии развития страны, во многом оставаясь лишь инструментом консолидации бюрократии и построения «вертикали власти». За годы своего существования «Единая Россия» несколько раз меняла свое идеологическое лицо. Она пыталась позиционировать себя то как либеральная, то как социал-демократическая, то как центристская партия. Сегодня она заявляет о себе как о партии российского консерватизма. Складывается ощущение, что у партийных руководителей

отсутствует понимание того, что все эти идеологические и политические доктрины, рожденные в рамках западной цивилизации, не имеют никакого отношения к российским реалиям.

На мой взгляд, сегодня мобилизовать массы сможет только та политическая сила, которая окажется способной сформулировать современный вариант Имперской Идеи. Ясно, что ни либерализм, ни социал-демократизм, ни консерватизм для этого совершенно не годятся. У «Единой России», как, впрочем, и у других политических сил страны, сегодня нет ничего похожего на современный вариант Имперской Идеи.

Поэтому власти постоянно приходится использовать административный ресурс. Приходится выдавать за успех, за всеобщую поддержку, безразличие «безмолвствующего большинства», прекрасно понимающего, что нынешние выборы — это миф, фарс, имитация, псевдолегитимный формально-юридический механизм воспроизводства власти.

Свою роль в функционировании современной имитационной квазиполитической системы, которую вполне можно охарактеризовать как «многопартийную однопартийность», играют так называемые «оппозиционные партии». Они имитируют оппозицию. Именно имитируют, потому что прекрасно осознают, что сегодня у них нет ни малейшего шанса прийти к власти. И самое примечательное, что нашу «оппозицию» это вполне устраивает.

Российская многопартийность — это абсолютно уникальное, почвенное явление. Отнюдь неслучайно, что политические партии в России появились в начале, а затем в конце XX века. Отечественный партогенез неразрывно связан с кризисным ритмом российской истории. Российскую многопартийность следует рассматривать как один из важнейших элементов и признаков российской смуты. Само ее существование противоречит глубинным ментальным основаниям Российской Идеократии. И в начале, и в конце XX в. она сыграла разрушительную роль политической и идеологической антисистемы, которая

отнюдь не являлась олицетворением так называемых альтернатив развития социума, а воплощала в себе различные способы уничтожения отжившей свой век исторической формы российского имперства. «Российская многопартийность действительно выглядит воплощением своеобразной доктринальной шизофрении интеллигенции, а отнюдь не национально-консолидирующим, конструктивно-динамичным целым. Это своеобразный, порожденный имперским патернализмом «пустоцвет», способный, однако, спровоцировать смуту...»²⁹.

Современная отечественная многопартийность является, прежде всего, инструментом, мифом, который Власть искусственно поддерживает и использует для решения определенных политических задач и представляет собой аморфное формально-институциональное образование, не имеющее опоры в массовом сознании. Статус и влияние партий в российской политике во многом искусственно поддерживаются благодаря нынешней избирательной системе. Возрождение Империи в ее новой форме, на наш взгляд, неминуемо приведет к ликвидации аморфной отечественной многопартийности.

В заключение, хотелось бы подчеркнуть следующее: понять российские смуты и революции можно только исходя из нашей собственной истории и культуры. Обретение «почвенного», изоморфного понимания российских смут и революций крайне важно для нашего общества. Демонстрируемое с завидным упорством современной российской властью нежелание извлекать уроки из собственной истории предопределяет перманентность, циклическую повторяемость системных кризисов.

Какова может быть при этом судьба самой власти — наглядно демонстрирует исторический опыт российских смут XVII и XX веков. Российское прошлое беспощадно карает и наказывает тех, кто им пренебрегает.

Библиография

- ¹ Бердяев Н. А. Смысл истории. — М., 1990. — С. 4.
- ² Цит. по: Сергейчик Е. М. Философия истории. — СПб., 2002. — С. 387
- ³ Булдаков В. П. Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. — М., 1997. — С. 373.
- ⁴ См.: Хобсбаум Э. Век империи. 1875—1914. — Ростов-на-Дону, 1999; Мигранян А. Век империй прошел? // Стратегия России. 2005. — № 4. — С. 23—29.; Давидсон А. После империй // Россия XXI. — 2003. — № 2. — С. 171
- ⁵ Смолин М. Б. Русский путь в будущее. — М., 2007. С. 15.
- ⁶ Булдаков В. П. Империя и смута: К переосмыслению истории русской революции // Россия и современный мир. — 2007. — № 3. — С. 7.
- ⁷ Цит. по: Смолин М. Б. Указ. соч. — С. 215.
- ⁸ Там же. — С. 9.
- ⁹ Там же. — С. 16.
- ¹⁰ Каспэ С. И. Советская империя как виртуальная реальность // Россия и современный мир. — 2000. — № 1. — С. 3.
- ¹¹ Алексеев В. В., Алексеева Е. В. Распад СССР в контексте теорий модернизации и имперской эволюции // Отечественная история. — 2003. — № 5. — С. 5.
- ¹² См. Гавров С. Н. Модернизация во имя империи. Социокультурные аспекты модернизационных процессов в России. — М., 2004. — С. 44—46.
- ¹³ Яковенко И. Г. Эсхатологическая компонента российской ментальности (связи, обусловленности, логика актуализации) // Общественные науки и современность. — 2000. — № 3. — С. 87—88
- ¹⁴ Яковенко И. Г. От империи к национальному государству (Попытка концептуализации процесса) // Полис. — 1996. — № 6. — С. 120.
- ¹⁵ Он же. Православие и исторические судьбы России // Общественные науки и современность. — 1994. — № 2. — С. 53.
- ¹⁶ Гавров С. Н. Указ. соч. — С. 189.
- ¹⁷ Там же. — С. 65.
- ¹⁸ Там же. — С. 189
- ¹⁹ Там же. — С. 46

²⁰ Там же. — С. 48

²¹ *Канпелер А.* Россия — многонациональная империя: Возникновение. История. Распад. — М., 2000. — С. 8—9.

²² *Булдаков В. П.* Российские смуты и кризисы: востребованность социальной и правовой антропологии // Россия и современный мир. — 2001. — № 2. — С. 32.

²³ Там же.

²⁴ *Кондаков И. В.* «Смута»: эпохи «безвременья» в истории России // Общественные науки и современность. — 2002. — № 4. — С. 56.

²⁵ *Гавров С. Н.* Указ. соч. — С. 111

²⁶ *Эйзенштадт Ш.* Революция и преобразование обществ. Сравнительное изучение цивилизаций. М., 1999. — С. 30.

²⁷ *Булдаков В.* Красная смута... — С. 106

²⁸ *Кондаков И. В.* Культура России. — М., 1999. — С. 64.

²⁹ Там же. — С. 41